

Е. М. Болдырева <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

**«Шарлатаны от медицины» во «времена великой скорби»
в творчестве Лу Синя, А. Чехова, М. Зощенко и В. Шаламова**

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М. «Шарлатаны от медицины» во «времена великой скорби» в творчестве Лу Синя, А. Чехова, М. Зощенко и В. Шаламова // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 167-181. DOI 10.20323/1813-145X-2021-2-119-167-182

Статья посвящена анализу специфики художественной репрезентации образа врача-шарлатана в рассказах А. Чехова, М. Зощенко, Лу Синя и В. Шаламова. В статье демонстрируется, что в юмористических рассказах А. Чехова и М. Зощенко феномен «шарлатанов от медицины» представлен в ироническом модусе – писатели создают множество комических, фарсовых и водеvilльных сюжетов, в которых безграмотные врачи безуспешно пытаются лечить глупых пациентов-обывателей. В творчестве же Лу Синя и В. Шаламова эта тема дана в принципиально ином ключе: они выражают трагедию человека, ставшего заложником политических и социальных потрясений.

Автор выделяет три основных сюжетных инварианта в медицинском дискурсе писателей: сюжеты, в которых реализуется мотив «снадобья» – псевдолекарства, используемого шарлатанами для лечения (от фарсовых и комически абсурдных в творчестве Чехова и Зощенко до бессмысленно-бесчеловечных, сопряженных с мотивами крови и смерти в творчестве Шаламова и Лу Синя); сюжеты, в которых представлен мотив «палача и жертвы», акцентирующие варварски-садистские методы лечения, используемые «шарлатанами от медицины»; и сюжеты, где предметом изображения становится эмоциональная депривация врача или псевдоврача, своего рода «анестезия сердца», представленная в комическом варианте у Зощенко и Чехова и в трагическом у Шаламова и Лу Синя.

Авторы приходят к выводу, что врачи М. Зощенко и А. Чехова в своей палаческой ипостаси столь наивно-простодушны, что не утраивают, а комичны, и вершат свое «неосознанное палачество» без злого умысла – либо из страха признать собственную профессиональную некомпетентность, либо будучи абсолютно уверенными в собственной непогрешимости. В свою очередь, больные-жертвы лишаются мученического ореола, они уравниваются с врачами в плане узости жизненного кругозора, поэтому их страдания вызывают не сочувствие, а смех. Лекари-шарлатаны Лу Синя воплощают трагическую ипостась палачества, воспринимая лечебные «попытки огнем и кровью» как верность варварским древним традициям и мифологическим обычаям. Врачи Шаламова – это изощренные садисты, их осознанное палачество зиждется на осознании неизбежности собственного сакрального статуса; их интенция по отношению к жертвам не лечение, а разоблачение, поэтому они воспринимают их муки и страдания вне этической парадигмы. Ощущают свое палачество как творческий акт, они получают эстетическое наслаждение от процесса «медицинского палачества» и от осознания своей избранности и права вершить человеческие судьбы.

Ключевые слова: В. Шаламов, М. Зощенко, А. Чехов, Лу Синь, культурный герой, шарлатанство, сюжетный инвариант, мотивы палача и жертвы, медицинский дискурс, эмоциональная депривация, мифологема «великой скорби».

Е. М. Boldyreva

**«Charlatans from medicine» in the «times of great tribulation»
in the works of Lu Sin, A. Chekhov, M. Zoshchenko and V. Shalamov»**

The article is devoted to the analysis of the specifics of the artistic representation of the image of the doctor-charlatan in the stories of A. Chekhov, M. Zoshchenko, Lu Sin and V. Shalamov. The article demonstrates that in the humorous stories of A. Chekhov and M. Zoshchenko the phenomenon of «charlatans from medicine» is presented in an ironic mode, when writers create many comic, farcical and vaudeville plots, in which illiterate doctors try to treat stupid common patients unsuccessfully; in the works of Lu Sin and V. Shalamov, this topic is presented in a fundamentally different way: they express the tragedy of a person who has become a hostage of political and social upheavals. The

authors distinguish three main plot invariants in the medical discourse of writers: plots in which the motive of «drug» is realized – a pseudo-drug used by charlatans for treatment (from farcical and comically absurd in the works of Chekhov and Zoshchenko to senselessly inhuman, associated with motives of blood and death in the works of Shalamov and Lu Sin), plots in which the motive of «the executioner and the victim» is presented, accentuating the barbaric and sadistic methods of treatment used by «charlatans from medicine» and plots where the subject of the image becomes the emotional deprivation of a doctor or pseudo-doctor, a kind of «anesthesia of the heart», presented in a comic version by Zoshchenko and Chekhov and in a tragic version by Shalamov and Lu Sin.

The author comes to the conclusion that doctors M. Zoshchenko and A. Chekhov, in their executioner incarnation, are so naively simple-minded that they are not frightening, but comical and perform their «unconscious butchery» without malicious intent, or out of fear to admit their professional incompetence, or being absolutely sure of their own infallibility, and sick victims lose their martyr's halo, they are equated with doctors in terms of the narrowness of their horizons, and therefore their suffering causes not compassion and sympathy, but laughter. The charlatan healers of Lu Sin embody the tragic hypostasis of butchery, perceiving their healing «torture by fire and blood» as loyalty to barbaric ancient traditions and mythological customs, Shalamov's doctors are sophisticated sadists, their deliberate butchery is based on the awareness of the inviolability of their sacred status, the victims are not treated, but exposed, so they perceive their torment and suffering outside the ethical paradigm and feel their butchery as a creative act, receiving aesthetic pleasure from the process of «medical butchering» and from the awareness of their chosenness and the right to decide human destinies.

Keywords: V. Shalamov, M. Zoshchenko, A. Chekhov, Lu Sin, cultural hero, charlatanism, plot invariant, motives of the executioner and victim, medical discourse, emotional deprivation, mythologeme of «great sorrow».

Введение

«Провожая сыночка, вдова Шань отдала ему свое сердце. Чего только она не сделала! Вчера сожгли связку жертвенных денег, сегодня – сорок девять свитков заклинаний «Великой скорби» [Лу Синь, 1971, с. 97]. Эти слова из рассказа китайского писателя Лу Синя «Завтра», описывающие страдания матери, потерявшей сына по вине не оказавших ему помощь лекарей-шарлатанов, не случайно сопряжены с мифологемой «великой скорби», означающей время сильнейшего горя и жестоких страданий человечества. «Смутные времена» – это не только страшные исторические катаклизмы, но и беспросветно-тяжелые социально-экономические условия жизни, ставшие благодатной почвой для расцвета такого социокультурного феномена, как шарлатанство, когда люди, большей частью темные и невежественные, оказавшись в плену болезни, отчаянно мечутся в поисках спасения, веря свои жизни «шарлатанам от медицины».

Расцвет шарлатанства в культуре приходится на эпоху Возрождения и проникает во все сферы искусства – живопись (творчество Босха и Брейгеля), литературу (Брант). Позднее образ самонадеянного шарлатана развивается в плутовском романе. Шарлатанству как культурному феномену посвящено множество научных работ [Александров, 2007, с. 11-18; Ковбасюк, 2015, с. 475-483; Николаева, 2014, с. 206-211]. Рассуждая о причинах возникновения данного явления, исследователи останавливаются на двух аспектах. Во-первых, шарлатанство рассматривается как следствие невежества: Л. Г. Александров,

изучая творчество Бранта, отмечает, что в произведениях, посвященных разного рода обманщикам и шарлатанству как таковому, «объектом критики становятся виды человеческой глупости» [Александров, 2007, с. 11]. Будучи необразованными и наивными, герои многих произведений легко становятся жертвами обмана. Во-вторых, шарлатанство «приобретает особенную популярность во времена социальной нестабильности» [Николаева, 2014, с. 207]. В экстремальных условиях человеческая психика чрезвычайно уязвима, неспособна к критическому восприятию, и чем хуже эти условия, тем в большие нелепости готов поверить человек, чтобы обрести ложную надежду на изменение своего положения.

Шарлатаны как особый тип культурного героя предстают в искусстве в различных вариациях, одной из которых является лекарь-шарлатан, известный в культуре с глубокой древности. Фигуры этих знахарей, бродячих торговцев целебными средствами, запечатлены на множестве картин, рисунков, гравюр и карикатур. Такие псевдоврачи неоднократно появлялись и на страницах литературных произведений: врач Гибнер из гоголевского «Ревизора», у которого люди «как мухи, выздоравливают», или лекарь Харитон из тургеневского рассказа «Муму», не имеющий медицинского образования, спящий по четырнадцать часов в день, зато умеющий деликатно щупать барыне пульс и беспрестанно потчевать ее лавровишневыми каплями, путая дозировку. Шарлатан – человек, опирающийся в своей деятельности на невежество и суеверия людей; не-

специалист, выдающий себя за специалиста; не обладающий достаточной компетентностью и использующий псевдонаучные методы. Изображение таких «шарлатанов от медицины» становится одной из «болевых точек» в творчестве раннего А. Чехова, М. Зощенко, В. Шаламова и Лу Синя. Возможность установления «литературного родства» этих писателей в аспекте медицинской тематики обусловлена прежде всего тем, что все они, кроме Зощенко, имели профессиональное образование или медицинскую практику. В отличие от Чехова, который окончил медицинский факультет Московского университета, Лу Синь бросил Сэндайскую академию, а Шаламов прошел фельдшерские курсы на Колыме и не имел права заниматься медицинской практикой вне лагеря. Зощенко же, не имея соответствующего образования и медицинской практики, интересовался вопросами здоровья, особенно психического, поскольку сам страдал от психоневротического расстройства: приступов меланхолии, депрессии и страха. Чтобы понять, как достичь исцеления, писатель изучал физиологию, психоневрологию, медицину, и результатом этих поисков стали автобиографическая повесть «Перед восходом солнца» и ряд «медицинских» рассказов, воспроизводящих комические сюжеты «недоверия к медицине» [Жолковский, 1999]. Кроме того, возможность подобного сопоставления подтверждается отечественными и зарубежными литературоведами, неоднократно проводившими параллели между творчеством А. Чехова и Лу Синя, называемого то «китайским Гоголем», то «китайским Чеховым» [Петров, 1960; Позднеева, 2011; Ши Жоу, 2015; 姜丽娟, 2005; 力小鯤, 1988; 刘建中, 1987; 马玉兰, 2011; 娜塔莉, 2008; 王丹, 1996; 王国祥, 1991; 王兆年, 1985; 杨毓敏, 2003; 冯雪峰, 1980; 戈宝权, 1960], хотя медицинской тематике в их произведениях посвящено крайне небольшое количество работ, рассматривающих преимущественно тематическую общность текстов [李家宝, 2016; 刘建中, 1987; 王和福, 2013].

Медицинские мотивы в творчестве Зощенко рассматриваются в одной из глав монографии А. Жолковского «Поэтика недоверия» [Жолковский, 1999], а медицине в творчестве Шаламова посвящена всего одна статья [Головизнин, 2017, с. 199-225], несмотря на то, что для обоих писателей эта тема была весьма значимой и отразилась в рассказах «Медик», «Медицинский случай», «Берегите здоровье» (Зощенко), «Шоковая терапия», «Прокуратор Иудеи» (Шаламов) и

многих других. Однако рассмотрение медицинского дискурса данных писателей «разбивает» устоявшуюся типологическую параллель «Чехов – Лу Синь» и задает иную логику сопоставления. В юмористических рассказах А. Чехова и М. Зощенко феномен «шарлатанов от медицины» представлен в ироническом модусе, когда писатели создают множество комических, фарсовых и водевильных сюжетов, в которых безграмотные врачи безуспешно пытаются лечить глупых пациентов-обывателей. В творчестве же Лу Синя и В. Шаламова эта тема дана в принципиально ином ключе: они выражают трагедию человека, ставшего заложником политических и социальных потрясений, выдвигая на первый план безразличное отношение к человеческой жизни, обреченность личности в борьбе с историей, хрупкость надежды на лучшее, крах цивилизации и культуры в эпоху «великой скорби». Для Шаламова медицина стала средством выживания в лагере (в рассказе «Экзамен» он пишет: «Я выжил, вышел из колымского ада только потому, что я стал медиком, кончил фельдшерские курсы в лагере, сдал государственный экзамен» [Шаламов, 2018, с. 280]), для Лу Синя – способом преобразования общества: врачи, лечившие его отца, были неграмотными, как и большинство современников Лу Синя, и чем невежественнее человек, тем на большие преступления он способен, потому, очевидно, Лу Синь предпочел медицине литературу: «...я понял, что медицина не так уж важна, а смерть от болезни – не самая страшная участь. Если в массе своей народ невежествен, любой человек, самый рослый и самый сильный, может либо оказаться в числе бездумных зевак, либо быть выставлен на позор» [Лу Синь, 1971, с. 67].

Анализ своеобразия художественной репрезентации образа врача-шарлатана в рассказах Лу Синя, А. Чехова, М. Зощенко и В. Шаламова позволяет выделить три основных сюжетных инварианта:

– сюжеты, в которых реализуется мотив «снадобья» – псевдолекарства, используемого шарлатанами для лечения (от фарсовых и комически абсурдных в творчестве Чехова и Зощенко до бессмысленно-бесчеловечных, сопряженных с мотивами крови и смерти в творчестве Шаламова и Лу Синя);

– сюжеты, в которых представлен мотив «палача и жертвы», акцентирующие варварски-садистские методы лечения, используемые «шарлатанами от медицины»;

– сюжеты, где предметом изображения становится эмоциональная депривация врача или псевдоврача, своего рода «анестезия сердца», представленная в комическом варианте у Зоценко и Чехова и в трагическом – у Шаламова и Лу Синя.

«Чем ближе к природе, тем лучше, – лекарства дорогих мы не употребляем»: снадобья реальные и виртуальные в «медицинских рассказах» А. Чехова, Лу Синя, М. Зоценко и В. Шаламова

В мировой культуре образ снадобья встречается нередко и обыкновенно сопряжен с мотивами колдовства, алхимии и прочими антинаучными формами человеческого сознания. Первоначально снадобья и зелья возникают в народной мифологии, в частности, в «Истории Талиесина» («Волшебная арфа»), где Каридвен варила в котле волшебные травы, и он должен был кипеть, не закипая, год и еще день, пока не выйдут из него три капли вдохновения. Различные снадобья встречаются и в изобразительном искусстве (Лукас Йеннис, Иоганн Теодор де Брай), музыке (Генрих Курнат, Майкл Майер – врачи, изучающие влияние музыкальных инструментов на алхимию), литературе (Томас Мэлори, Уильям Шекспир), ведьмы и зелья становились предметом изображения в немецких авторских сказках конца XVIII – начала XIX в., к данным образам обращались Г. Андерсен, братья Гримм, Т. Гофман, Л. Тик.

Снадобье как компонент шарлатанской медицины часто появляется в юмористических рассказах А. Чехова. Так, в «Рассказе подсудимого» герой приезжает на почтовую станцию, чтобы переждать ночь перед судом. С первых строк рассказа Чехов вводит образ обманщика, указав, что героя обвиняли в двоеженстве. Герой знакомится с «хорошенькой головкой» и, стараясь произвести впечатление на незнакомку и проникнуть к ней за ширму, притворяется врачом, поскольку убежден, что те имеют «право вторгаться в частную жизнь»: «Мы разговорились <...> о медицине, в которой я так же мало смыслю, как в астрономии» [Чехов, 2017, с. 565]. На медицинские вопросы герой отвечает уклончиво, мастерски скрывая собственную некомпетентность: «Это длинный разговор, сразу нельзя сказать», «– Гм!.. – промычал я, не найдя пульса». Наконец, чтобы закрепить ложь, герой пишет рецепт снадобья: «Rp. Sictransit 0,05/Gloriamundi 1,0/Aquaedestillatae0,1/ Через два часа по столовой ложке. /Г-же Съеловой. /Д-р Зайцев» [Чехов,

2017, с. 566]. Рецепт лжедоктор сочинил наобум «по всем правилам врачебной науки». В финале доктора Зайцева разоблачает муж «хорошенькой головки», который оказался судьей и узнал во враче вчерашнего своего собеседника. Похожий «рецепт» описан в рассказе «Филантроп», где молодой врач, в которого была влюблена пациентка, написал на клочке бумаги: «Быть сегодня в восемь часов вечера на углу Кузнецкого и Неглинной, около Дациаро. Буду ждать» [Чехов, 2017, с. 335]. В рассказе «Сельские эскулапы», где ироническому осмыслению подвергаются лень и невежество, несколько медицинских работников тоже выписывают множество псевдо-рецептов: «Rp. Liqueofegri 3 гр. того, что на окне стоит, а то, что на полке, Иван Яковлич не велели без него распечатывать по десяти капель три раза в день Марьи Заплаксиной» [Чехов, 2017, с. 116]. Здесь рецепт служит не столько средством «лечения» пациента, но скорее средством коммуникации между лжеврачами. Капли призваны были спасти пациента от малокровия, которое врач диагностировал, даже не прикоснувшись к нему: «Так... А ну-ка потяни себя за нижнюю веку! Хорошо, довольно. У тебя малокровие» [Чехов, 2017, с. 116]. «Liquor» – многозначный термин, который может обозначать и алкогольный напиток, и спинномозговую жидкость. Становится очевидным, что вместо лекарств лжемедики выписывали пациентам спиртное. Не умея лечить, они ставят диагнозы наугад («Должно быть, катар! – кричит он из аптеки» [Чехов, 2017, с. 117]) и выписывают больному касторку и спирт. Наконец, еще одному пациенту с большим горлом, который до этого лечился водкой, фельдшер и врач предлагают соду, так как ликер распечатывать нельзя: «дать чего-нибудь» на языке Глеба Глебыча значит «дать соды».

Фарсовые ситуации в провинциальных больницах изображены и в рассказах М. Зоценко. Описывая лжедокторов и не менее глупых пациентов, он обнажает социальные проблемы: всеобщее невежество, безграмотность, безответственность. В этом отношении писатель близок Чехову – об их типологическом сходстве говорят и литературоведы, в частности, Жолковский: «У обоих авторов встречается мотив необходимости заменить медицинское лечение экзистенциальным: у Зоценко повсюду, начиная с “Пациентки” (“К учителю – медицины это не касается”), у Чехова, например, в “Случае из практики”» [Жолковский, 1999, с. 176]. Так, в рассказах Зоценко встречаются, как и у Чехова, сюжеты, связанные

со снадобьем, которое действием своим наносит вред здоровью пациента.

В рассказе «Медик» Зоценко описывает болезнь Рябова: «Ну, заболел. Слег. Подумаешь, беда какая. Пухнет, видите ли, у него живот и дышать трудно» [Зоценко, 2017, с. 329]. Чтобы поправить свое положение, он обратился к знаменитому доктору с высшим образованием, однако тот прописал клизму и низкокалорийную пищу. Поэтому пациент решил проконсультироваться с другим доктором, «без высшего образования» [Зоценко, 2017, с. 330]. Егорыч, приехав к Рябову, не стал его осматривать, однако лечение назначил: «...велит больному писать записку – дескать, я здоров, и папаша покойный здоров, во имя отца и святого духа» [Зоценко, 2017, с. 330]. Не умеющий писать Рябов просит написать записку дворника Андрона, съедает лекарство и к вечеру умирает, а после вскрытия выясняется, что на бумажке была указана подпись Андрона, что и привело к смерти пациента, но само «лекарство» особенного удивления не вызвало, а рассказчик вовсе не считает врача виновным в смерти Рябова: «Но вот за что, товарищи, судить будут медика Егорыча? Конечно, высшего образования у него нету. Но и вины особой нету» [Зоценко, 2017, с. 329].

Еще одним популярным «лекарством» у врачей, изображенных Зоценко, были физические нагрузки. Герой рассказа «Берегите здоровье» лечит нервы катанием на коньках, прописанным местным «доктором»: «Катайтесь ежедневно на коньках – и всю вашу нервную систему как рукой сымет. И снова блохи начнут кусать» [Зоценко, 2008, с. 428]. Подобное «лекарство» привело к перелому ноги и попаданию в больницу. Несмотря на травмы, пациент оказался доволен лечением: «...результаты поразительные. Очень поправился. Пополнел. И нервной системы как не было» [Зоценко, 2008, с. 429].

Таким образом, в рассказах Зоценко и Чехова сюжетные вариации, в которых фигурируют снадобья, связаны с низкой квалификацией врачей, их необразованностью и безграмотностью, однако трагичность ситуаций с псевдолекарствами нивелируется образами самих пациентов, большинство из которых либо не нуждаются в медицинской помощи, либо оказываются такими же, как и те, кто выписывает им фальшивые рецепты. Ирония, используемая Чеховым и Зоценко, является средством отражения социокультурных проблем, поскольку медицина – одна из основных сфер общественной жизни, и если она нахо-

дится в угнетенном состоянии, значит, и общество является нездоровым во всех отношениях.

Сюжетные вариации, связанные с образом снадобья, приобретают особенный трагизм в творчестве Варлама Шаламова и Лу Синя.

В рассказе «Кант» В. Шаламова герой отправляется на легкую работу – собирать хвою стланика. Из этого растения в многочисленных колымских лагерях делали отвар, который должны были пить заключенные, чтобы не заболеть цингой. Впрочем, стлаником лечили не только цингу, но и все остальные заболевания, поскольку медицинские препараты для заключенных были практически недоступны и сосредотачивались в основном в центральной больнице. Забота лагерного начальства о здоровье «доходяг» сводилась к поддержанию их в состоянии, в котором они могли выполнять работу, а в больницу помещали в исключительных случаях: «Как ни скромно был мой опыт в больнице, я ясно понимал, что в больнице лежат только умирающие» [Шаламов, 1990, с. 273]. В этой ситуации стланик был отличным средством лечения, поскольку не требовал особенных затрат и был прост в приготовлении, причем о его эффективности говорить не приходилось: «Вера все превозмогает, и, хотя впоследствии была доказана полная несостоятельность этого “препарата” <...>, в наше время люди пили эту вонючую дрянь, отплеивались и выздоравливали от цинги. Или не выздоравливали. Или не пили и выздоравливали» [Шаламов, 2012, с. 56]. Следовательно, выздоравливали те, кто не пил эту «дрянь», те же, кто пил, вдобавок к цинге часто получали отравления и диарею, как отмечал В. Шаламов в других рассказах.

В лагере, впрочем, были и иные «лекарства». Так, в рассказе «Доктор Ямпольский» герой описывает местную больницу, в которой отсутствовали элементарные медикаменты: «Ничего в аптеке санчасти не было, кроме марганцовки. Ее-то и давали, то внутрь в слабом растворе, то как повязку на цинготные и пеллагрозные раны» [Шаламов, 1990, с. 276], а в рассказе «Шоковая терапия» упоминается об еще одном лекарстве: «Фельдшер мазал спину Мерзлякова солидолом – никаких средств для растирания в медпункте давно не было» [Шаламов, 2012, с. 177]. Ни одно из «снадобий» не помогало лечить болезни, они в редких случаях могли облегчить симптомы, однако в основном были бесполезны или приносили вред.

В рассказах Шаламова употребление различных снадобий при всей их бесполезности не

имеет фатальных последствий, чего нельзя сказать о лекарствах, применяемых докторами, изображенными в рассказах Лу Синя. Так, в «Снадобье» одно из таких «лекарств» ускорило гибель тяжелобольного юноши. Сын старого Хуа все время кашлял и был слаб. Чтобы спасти его от смерти, отец принял решение купить лекарство, которое должно было помочь. Основным его ингредиентом была человеческая кровь. Старый Хуа полагал, что, если напоит кровью своего единственного и любимого сына, тот непременно поправится. Поэтому герой собирает последние деньги и в темной подворотне встречается с продавцом. Человек в черном протянул старику сверток и скрылся, а позже, войдя в чайную Хуа, он признавался: «Снадобье на этот раз особой силы. <...> Да от такой пампушки с человеческой кровью любая чахотка пройдет!» [Лу Синь, 1971, с. 89]. Кровь, взятая для снадобья, принадлежала молодому революционеру, приговоренному к казни за политические воззрения. Но «лекарство» не помогло, и вскоре молодой Хуа скончался от чахотки. На кладбище женщина встретила с матерью казненного юноши, чью кровь принимал молодой Хуа. Могилы двух юношей оказались одна напротив другой, и только тропинка отделяла бедняков от каторжников, поскольку по левую сторону находились могилы казненных, а по правую – те, что принадлежали людям бедным, которые не могли позволить себе ни просторное место на кладбище, ни хорошие медикаменты, и потому вынуждены были обращаться к шарлатанам и лечиться человеческой кровью.

Лу Синь был знаком с шарлатанами с детства: отец самого Лу Синя был тяжело болен, о чем Лу Синь пишет в предисловии к сборнику «Клич»: «Лечил отца знаменитый врач, который выписывал какие-то диковинные лекарства. Найти, например, зимние корни камыша, трехлетнее растение, тронутое заморозками, спаренных сверчков, пиндимус плодами было очень нелегко. А отцу становилось все хуже, и он умер» [Лу Синь, 1971, с. 65]. И далее: «Несколько позже, вспоминая диагнозы и рецепты китайских врачей, я понял, что все они обманщики, намеренные или невольные, и проникся сочувствием ко всем обманутым больным и их родственникам» [Лу Синь, 1971, с. 66]. Потому Лу Синь и решил стать врачом, чтобы помогать людям, страдавшим от невежества китайских докторов, однако потом, как мы уже отмечали, оставил медицину и посвятил свою жизнь литературе.

В отличие от Чехова и Зощенко, Лу Синь и Шаламов в сюжетах, связанных со снадобьем, обнажают не глупость и невежество обывателей, а социально-политические и экзистенциальные проблемы. Они показывают, насколько ничтожна человеческая жизнь и как легко ее забрать, насколько невыносима жизнь лагерника и бедняка, которым предлагают неэффективные лекарства или вовсе не лечат. Социальное неравенство, безразличие, жестокость становятся причиной смерти сотен тысяч людей, а снадобье из лекарства, предназначенного для спасения жизни, превращается в инструмент смерти. Доведенные до отчаяния люди готовы принимать что угодно, лишь бы это помогло облегчить муки, физические и моральные. Герои рассказов Шаламова и Лу Синя способны отобрать жизнь у другого, чтобы продлить собственную, пойти на предательство, подкуп, но и это оказывается бессмысленным, потому «медицинские» тексты Лу Синя и Шаламова проникнуты чувством безысходности и опустошения.

«Пытка лечением»: врачи-палачи и больные-жертвы в «медицинских рассказах» А. Чехова, Лу Синя, М. Зощенко и В. Шаламова

«Шарлатаны от медицины» используют не только снадобья, в лучшем случае бесполезные, в худшем – смертельно опасные. Антигуманны и их методы лечения, причиняющие как физические, так и психологические страдания. Отсутствие медикаментов и необходимой диагностической аппаратуры – это маленькая часть хаоса, скрывающегося за больничными дверями, во главе которого – врачи-палачи, имеющие безграничную власть над своими беззащитными жертвами. И эта власть разрушает в лекарях-шарлатанах все человеческое, внушает им чувство безнаказанности и превосходства, проявляет садистские наклонности.

В рассказе А. Чехова «Хирургия» в земскую больницу обращается дьяк, чтобы удалить больной зуб. Зубная боль не раз становилась предметом искусства и была отражена в произведениях Р. Бернса («Ода к зубной боли»), Томаса Роулэндсона («Практика модного дантиста»), Филиппо Палиции (Карикатура на зубодера. «Демонстрация «безболезненного удаления зуба»), Яна Миенса Моленара («Дантист»), Теодора Ромбуотса «Удаление зуба» и многих других. Основу этих произведений составляют сюжеты, где пациент страдает от невыносимой боли, а врач огромными щипцами вырывает зуб, пока

несчастливого удерживают окружающие. Подобные пытки были связаны с отсутствием анестезии: врачи не имели возможности сделать процедуру безболезненной, поэтому приходилось крепко держать пациента, чтобы он не смог навредить себе и врачу или убежать. Однако во времена Чехова эфир и закись азота уже применялись в медицине, в том числе и в стоматологии. Логично предположить, что либо фельдшер не использовал обезболивание по причине незнания, либо в сельской больнице обезболивающих средств не было. Имея весьма приблизительные представления о стоматологическом искусстве, фельдшер меняет инструменты, не понимая, что для чего нужно: «Фельдшер берет козью ножку, минуту смотрит на нее вопросительно, потом кладет и берет щипцы» [Чехов, 2017, с. 520]. Элеватор «козья ножка» необходим в сложных случаях, когда зуб закрыт тканью десны или костью. Также этот инструмент используется при удалении зубов мудрости. Фельдшер начинает удаление зуба с тракции (вытягивания), то есть последнего этапа. Перед этим необходимо наложить шприцы на коронку, зафиксировать, произвести ротацию (расшатать зуб, ослабить его прочность) и только затем вынуть из лунки вертикальным движением. Фельдшер же просто тянет зуб и неизвестно, с помощью чего подрезает десну: «Сейчас мы его... тово... Раз плюнуть... Десну подрезать только... тракцию сделать по вертикальной оси... и все... (подрезывает десну) и все...» [Чехов, 2017, с. 520]. Пациент кричит от боли и сопротивляется, хватая руками фельдшера, однако тот еще сильнее тянет и с третьей попытки все-таки удаляет зуб: «Не дергайся... Зуб, выходит, застарелый, глубоко корни пустил... (тянет). Не шевелись... Так... так... Не шевелись... Ну, ну... (слышен хрустящий звук). Так и знал!» [Чехов, 2017, с. 521]. Вместо того, чтобы наложить повязку, фельдшер ругает дьяка, что тот сопротивлялся, таким образом, совершает жестокие и непрофессиональные действия, угрожающие жизни пациента, поскольку тот положил грязные пальцы в рот. Здесь мы видим некавалифицированного шарлатана, который решил, что хирургия – «пустяки», однако убедился в обратном, вырвав зуб с нескольких попыток: «Хирургия, брат, не шутка... Это не на клиросе читать...» [Чехов, 2017, с. 521].

Тема палачества в речи фельдшера орнаментирована повтором двух типов конструкций: пренебрежительно-иронические высказывания, позволяющие герою испытывать чувство соб-

ственного превосходства («Пустяки», «раз плюнуть», «сейчас мы его того», «и все», «легко рвать», «так...так», «ну...ну» [Чехов, 2017, с. 519-521]) и конструкции с предикатом в форме повелительного наклонения, которые подавляют волю жертвы («рассуждайте, ежели у вас рот раскрыт...», «Не хватайте руками! Пустите руки!», «Садись! Садись, тебе говорю!», «Раскрой рот...», «Не шевелись» [Чехов, 2017, с. 519 – 521]). В свою очередь, речь жертвы изобилует причитаниями, вызывающими к святым, которые могут спасти его от «ирода» в белом халате («отцы наши», «мать пресвятая», «отец... родители», «ангелы», «света не вижу» [Чехов, 2017, с. 519-521]), и междометиями, демонстрирующими боль и физические страдания («ввв», «ого-го», «ох» [Чехов, 2017, с. 519 – 521]).

Похожий врачебный непрофессионализм мы можем увидеть у М. Зоценко в рассказе «История болезни». Герой-рассказчик попадает в больницу с брюшным тифом и сразу сталкивается с плакатом, надпись на котором демонстрирует печальный финал лечения: «Выдача трупов от 3-х до 4-х» [Зоценко, 2017, с. 752]. Возмущенный, он делает замечание фельдшеру, но тот отвечает косвенной угрозой: «Если, – говорит, – вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трех до четырех выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда будете знать» [Зоценко, 2017, с. 752]. Однако методы лечения лекпома не менее устрашающие, чем прозрачные намеки: сразу после регистрации героя привозят на «обмывочный пункт». Форма слова моделирует некротические коннотации, поэтому герой в страхе спорит уже с медсестрой, которая, подобно лекпому, намекает, что он умрет («Наверно, – говорит, – вы не выздоровеете, что во все нос суете» [Зоценко, 2017, с. 753]), и спокойно отправляет его в ванну, где лежит умирающая старуха.

Каждый раз преодолевая препятствия местной больницы, герой встречает новые испытания, и лжеврачи удивляются, что он еще жив. Одежда не по размеру, маленькая палата на тридцать человек – привычные явления. Попытки что-то изменить приводят к усугублению состояния больного. Отношение к пациентам варварское, а когда они, несмотря на все старания шарлатанов сжить их со свету, поправляются, это вызывает изумление: «– Ну, – говорит, – у вас прямо двужильный организм. Вы, – говорит, – сквозь все испытания прошли. И даже мы вас случайно положили око-

ло открытого окна, и то вы неожиданно стали поправляться» [Зощенко, 2017, с. 755]. Важно отметить: чем большие испытания преодолевает герой, тем менее грубо обходятся с ним врачи. Видимо, чем более живуч и вынослив человек, тем большего уважения он заслуживает. Прошедший через регистрацию, ванну с умирающей старухой, неудобное белье, палату в 30 коек, сквозняк, коклюш, которым заразился от немытой посуды, Петя все-таки возвращается домой, чудом выжив после манипуляций местных эскулапов.

В рассказе «Медицинский случай» Зощенко описан способ лечения болезни, не менее «радикальный», чем сквозняк и ванны с умирающими старухами. Осмотрев юную пациентку, лишённую дара речи, врач назначил лечение: «...я ее сейчас обратно испугаю. Может она, сволочь такая, снова у меня заговорит» [Зощенко, 2008, с. 521]. После этого горе-врач подкрался сзади и ударил девочку полотенцем. Лечение принесло результат – она заговорила. Тем не менее, после испуга у девочки появились симптомы, которых ранее не было: «...взгляд у ней стал еще более беспокойный и такой вроде безумный» [Зощенко, 2008, с. 523]. Приобретя дар речи, девочка лишилась разума.

Мотивы врачей-палачей и больных-жертв широко представлены в творчестве и Лу Синя и Варлама Шаламова, но отнюдь не в иронической модальности. В тяжелых социально-политических условиях и в лагере, когда врачи могут стать единственными людьми, способными спасти от физической смерти, ибо смерть духовная необратима, медицина играет ключевую роль, потому методы лечения могут либо продлить жизнь, либо прервать ее. И многое здесь зависит от удачи и случая: если врач или фельдшер окажется подлецом, пациент обречен; если повезет встретить человека, сочувствующего чужому горю, – это большая удача, тогда есть шанс на спасение (не случайно слова «удача», «случай» неоднократно встречаются в произведениях Шаламова и Лу Синя). Однако если герои рассказов имеют дело с врачами, проявляющими свою палаческую сущность, и их бесчеловечными методами лечения, их судьбы заканчиваются трагически.

В своих рассказах В. Шаламов часто отмечает, что врач на Колыме был человеком особенным, поэтому к врачам было особое отношение и со стороны простых заключенных, и среди блатных. Последние им покровительствовали, но

в случае неповиновения уничтожали. Наделенный большими полномочиями врач был фигурой сакральной, потому что подчинялся только начальнику больницы и заведующему отделением, в котором работал. Однако в ряде случаев врачи использовали свою власть во вред и применяли нечеловеческие пытки к своим пациентам, руководствуясь различными мотивами. Сами больницы были в таком же состоянии, что и заключенные, – полуразрушенные, грязные, а врачи оказывались вовсе не врачами, а бывшими заключенными, не умеющими лечить, но умеющими искусно делать вид, что лечат.

В рассказе «Доктор Ямпольский» описан заключенный, который решил стать врачом, чтобы спастись от смерти: «Доктор Ямпольский был не доктор и не врач. <...> времени, чтобы получить врачебное или хотя бы фельдшерское образование, у Ямпольского не было» [Шаламов, 1990, с. 272]. Здесь мы имеем дело с мошенником, который сделал карьеру за счет практики санитаря: «Ему удалось с больничной койки, меряя температуру больного, санитаром, убирая палаты, ухаживая за тяжелобольными, выполнять обязанности фельдшера-практика. Это – не запрещено и на воле, а в лагере открывает большие перспективы» [Шаламов, 1990, с. 272]. С течением времени он стал самоуверенным и понял, что быть врачом – выгодно. И это желание не просто выжить, а жить, пользуясь привилегиями, которых он не заслуживает, поскольку относится к обязанностям своим халатно, а больных презирает, приводит к тому, что Ямпольский продолжает врачебную практику на воле, не имея на это права: «Ямпольский решил остаться медиком после заключения. Но не затем, чтобы получить врачебное образование, а затем, чтобы войти в кадровые списки именно медиков, а не счетовых работников или агрономов» [Шаламов, 1990, с. 274]. Однако, достигнув этой цели, Ямпольский не удовлетворил собственные амбиции и задался целью стать начальником больницы, несмотря на то, что «<л>ечить он не умел и не мог» [Шаламов, 1990, с. 274]. Получив неограниченную власть, Ямпольский посылал на смерть доходяг, вершил человеческие судьбы по собственному разумению, а встретившись случайно с теми, кого отправил умирать в снега, отводил взгляд.

Такие лжедоктора не были редкостью для Колымы, как не были исключением больницы, где бытовые условия не позволяли оказывать квалифицированную помощь. В том же рассказе Ша-

ламов пишет, что матрасы для заключенных пациентов были набиты хвоей стланика, из которой, как мы помним, делали бесполезное снадобье. В рассказе «Тифозный карантин» описываются огромные бараки, где больные заключенные лежали сотнями, тесно прижимаясь друг к другу. В больницах всего «Левого берега» отсутствовали необходимые медикаменты и квалифицированные кадры.

Если врачи – не врачи, а больницы – не места для исцеления, то и лечение не принесет пользы, а наоборот, навредит или убьет. Так, некоторые способы лечения и методы санобработки были на Колыме развлечением. В рассказе «Прокаженные» Шаламов пишет: «Развлекающееся начальство приказало женщинам брить мужчин, а мужчинам – женщин. Каждый развлекается как умеет» [Шаламов, 1989, с. 263]. Однако мотив «врачебного палачества» достигает апогея в рассказе «Шоковая терапия».

В больницу поступает заключенный Мерзляков с ложной контрактурой. Симуляция болезни – способ выживания в лагере, и чем искуснее заключенный вводил в заблуждение докторов, тем больше была вероятность, что он избежит общих работ и сможет выжить. Так думал и Мерзляков: «Мерзляков стремился ценой любой лжи оттянуть выписку на работу» [Шаламов, 2012, с. 177]. После нескольких месяцев в районной больнице больного доставили в центральную, где был рентген-аппарат. В «драматическом» отделении он познакомился с Петром Ивановичем – врачом, основной деятельностью которого было разоблачение симулянтов. Медицинская деятельность, в его понимании, была вне категории морали, поскольку человеческие чувства и эмоции утрачиваются в первые недели пребывания на Дальнем Севере. Разоблачение было для врача своего рода игрой, отработкой навыков, он думал не о людях, не об аморальности собственных методов, а о том, каким удовольствием станет для него очередная победа.

Удовлетворяя собственные амбиции, врач, очевидно, избавлялся от комплексов, но ценой этого были судьбы людей. Когда пришел конвой, чтобы отправить больного на материк, Петр Иванович должен был просто поставить подпись, и никто не узнал бы, что заключенный – симулянт. План разоблачения должен был состоять из двух этапов – рауш-наркоза и шоковой терапии. Первый способ был менее тяжелым – больной просто засыпал под действием эфира. Благодаря этому методу разоблачение Петру Ивановичу

удалось: «Петр Иванович медленно и торжественно разогнул тело Мерзлякова. Все ахнули» [Шаламов, 2012, с. 182]. Но поскольку заключенные были упрямы, а жажда жизни сильна, Мерзляков снова согнулся, поэтому Петр Иванович перешел ко второму этапу – шоковой терапии: «При шоковой терапии вводится в кровь большого доза камфорного масла в количестве, в несколько раз превышающей дозу того же лекарства, когда его вводят подкожным уколом для поддержания сердечной деятельности тяжелобольных. Действие ее приводит к внезапному приступу, подобному приступу буйного сумасшествия или эпилептическому припадку. Под ударом камфоры резко повышается вся мышечная деятельность, все двигательные силы человека. Мышцы приходят в напряжение небывалое, и сила больного, потерявшего сознание, удесятеряется. Приступ длится несколько минут» [Шаламов, 2012, с. 184]. Чтобы посмотреть на эту процедуру, собралось много людей: «На Севере дорожат всяким развлечением» [Шаламов, 2012, с. 184]. Окружающим нравится смотреть, как человеческое тело бьется в агонии и хрипит, и эта картина напоминает лечебные пытки Средневековья, когда сифилис лечили ртутью и кровопусканием, душевные болезни – лоботомией и трепанацией, а кишечных паразитов – табачной клизмой. Вместо медикаментов тогда использовалась белладонна, чрезвычайно токсичная и смертельно опасная, но не более, чем камфорное масло, судя по тому, что Мерзляков после этой экзекуции сам попросил его выписать. Подобные разоблачители и садисты встречаются во многих произведениях В. Шаламова: так, в рассказе «В приемном покое» Шаламов говорит о популярности рауш-наркоза среди колымских докторов: «...раза два контрактура, сращение было настоящим, и разоблачающий врач, силач, разорвал живые ткани, разгибая колено» [Шаламов, 1989, с. 267].

Врачи Шаламова, несмотря на свою жестокость, – палачи поневоле, ибо человеческие их качества подверглись лагерному растлению. В своих эссе Шаламов не раз отмечал, что лагерь – отрицательная школа для всех, кто когда-либо соприкасался с ним хоть на день. В этом смысле палачи становятся жертвами, заложниками политической ситуации и жестоких таежных законов, основной принцип которых – «умри ты сегодня, а я завтра» [Шаламов, 1989, с. 458].

В отношении методов лечения и больничных условий тексты Лу Синя менее пугающи, но не

менее драматичны. Так, в рассказе «Братья» герой заболевает неизвестной болезнью, и два доктора ставят разные диагнозы. Бесплатный доктор глуп, не может отличить краснуху от скарлатины, и потому считает, что болезни эти одинаковые: «– Краснуха. Вы ведь видели, у него высыпала сыпь. //– Значит, не скарлатина? – с облегчением вздохнул Пэй-цзюнь. //– Скарлатиной называют эту болезнь они, западные медики. Мы, китайские врачи, называем ее краснухой» [Лу Синь, 1971, с. 289]. «Палачество» врачей Лу Синя заключается в их губительном для больных бездействии: *Цзинь-пу было очень плохо – он кашлял, задыхался, покрывлся сыпью и едва мог говорить, и оставление больного в подобном состоянии и неоказание помощи не менее цинично, чем применение рауша или вырывание зуба без наркоза и специальной техники.*

В другом рассказе Лу Синя «Завтра» вследствие бездействия погиб младенец. Его мать, прежде чем обратиться к врачу, лечила ребенка в домашних условиях и поила отварами: *«Что еще сделать? – думала молодая мать. – В храме жребий тянула, обет принесла, домашними снадобьями напоила... ничего не помогло... Осталось лишь сходить с ним к лекарю – Хэ Сяосяню»* [Лу Синь, 1971, с. 93]. Промедлив, она потеряла драгоценное время, и лекарства, выписанные доктором, уже не помогли, поскольку лекарь поставил диагноз на основании измерения пульса, хотя ни рвоты, ни диареи у ребенка не было, зато было затрудненное дыхание и багровое лицо, что не является симптомом «засорения». На замечание, что ноздри ребенка трепещут, врач дает странный ответ: *«Это огонь побеждает металл»* [Лу Синь, 1971, с. 94]. Согласно теории У-син, огонь символизирует сердце, а металл – легкие. Сердце генерирует энергию, как созидательную, так и разрушительную. Поэтому негативные эмоции, создаваемые сердцем (огнем), способны нанести вред легким (металлу), вследствие чего лекарства должны были стабилизировать сердце. Система У-син была популярна в китайской медицине, однако польза ее научно не доказана, и в рассказе Лу Синя подобные методы, применяемые к маленькому пациенту, приводят к смерти.

На страницах рассказов А. Чехова и М. Зощенко врачи-палачи предстают невежественными и самовлюбленными. Пренебрегая профессионализмом и тактичностью, они причиняют физические и моральные страдания пациентам, считают их «дураками» и невеждами, в то

время как сами далеки от образования и культуры. В свою очередь, их жертвы часто сами виноваты в нелепых ситуациях, заложниками которых являются. В этом отношении кара врачей-палачей представляет собой справедливое возмездие за их суеверия и небрежное отношение к собственному здоровью. Так же, как у Чехова и Зощенко, у Шаламова и Лу Синя пациенты сами становятся виновниками своего состояния, жертвами врачей-палачей, однако в этом нет никакой иронии, равно как и в циничных методах лечения, состоянии больниц, отсутствии диагностической техники, человеческой жестокости и социальной незащищенности. Если герои «Хирургии» или «Истории болезни» страдают от лечения, они не вызывают сочувствия, поскольку сами глупы, лечатся водкой с хреном, регулярно ложатся в больницу без необходимости, грубят и требуют к себе хорошего отношения от таких же профанов-врачей, то герои Шаламова, и палачи, и жертвы, пытаются спасти собственную жизнь в тяжелых условиях Севера. Болезнь для них – способ выживания, необходимость притворства может быть оправдана теми условиями, которые подробно описаны в «Колымских рассказах». Герои Лу Синя, несмотря на бедность и необразованность, не лишены чувства сострадания. Так, в рассказе «Завтра» Лу Синь несколько раз повторяет, что вдова «была женщиной простой и темной, но...», и каждый раз наделяет ее такими качествами как искренность, доброта, милосердие. В свою очередь, герои обеспеченные (врачи-палачи) – люди жестокие и безразличные к чужому горю. Медицина утрачивает свое первоначальное предназначение: из блага она становится средством подавления человеческой воли (как у Шаламова), маркером социального благополучия и элитарности (как у Лу Синя); средством проведения досуга, развлечением, легкой работой (как у Чехова и Зощенко).

Таким образом, врачи М. Зощенко и А. Чехова в своей палаческой ипостаси столь наивно-простодушны, что не утраивают, а комичны. Они вершат свое «неосознанное палачество» без злого умысла, а либо из страха признать свою профессиональную некомпетентность, либо будучи абсолютно уверенными в собственной непогрешимости. Больные-жертвы лишаются своего мученического ореола, они уравниваются с врачами в плане узости жизненного кругозора, и потому их страдания вызывают не сострадание и сочувствие, а смех. Лекари-шарлатаны Лу Синя воплощают трагическую ипостась палачества:

подобно шаманам, они вершат свои лечебные «пытки огнем и кровью», воспринимая их как верность варварским древним традициям и мифологическим обычаям. И в этом безнадежном безальтернативном мире больные-жертвы покорно идут на заклатие, воспринимая врача как божественного жреца, а бессмысленные ритуальные издевательства – как религию и высшую мудрость искусства медицины. Врачи Шаламова – это изощренные садисты, их осознанное палачество зиждется на осознании незыблемости своего сакрального статуса. Их интенция по отношению к жертвам не лечение, а разоблачение, поэтому они воспринимают их муки и страдания вне этической парадигмы и ощущают свое палачество как творческий акт; подобно художникам смерти, они получают эстетическое наслаждение от процесса «медицинского палачества» и от осознания своей избранности и права вершить человеческие судьбы.

«Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет...»: «врачи без души» в «медицинских рассказах» А. Чехова, Лу Синя, М. Зоценко и В. Шаламова

Со времен Гиппократова одной из основных заповедей врача является заботливое и внимательное отношение к больному, уважение к его жизни и здоровью. Размышляя о медицинской деятельности, Чехов неоднократно отмечал, что ни одна иная профессия не предполагает столько душевных переживаний, поэтому этический кодекс медицинского работника исключает равнодушие. В предисловии к сборнику «Клич» Лу Синя, рассуждая о мотивах, побудивших его заниматься медициной, говорил, что «проникся сочувствием ко всем обманутым больным и их родственникам» [Лу Синь, 1971, с. 66] и хотел облегчить муки тех, кто пострадал от невежества докторов. Врачи и лжеврачи на страницах рассказов Зоценко, Чехова, Шаламова и Лу Синя лишены этого сочувствия. Цинизм и равнодушное спокойствие, с которыми они относятся и к работе, и к незащитным пациентам, ставят под сомнение их профессионализм и превращают в опасных шарлатанов, скрывающих под белыми халатами самые уродливые проявления человеческой натуры.

Так, в рассказе «Ряженые» Чехов говорит о человеческом лицемерии и равнодушии: «Молодой профессор-врач <...> уверяет, что нет больших счастья, как служить науке. <...> И ему верят...» [Чехов, 2017, с. 294], однако, придя до-

мой, он оглашает истинные мотивы своей деятельности: «У профессора практика вдесятеро больше, чем у обыкновенного врача. Теперь я рассчитываю на двадцать пять тысяч в год» [Чехов, 2017, с. 294]. И ни слова о пациентах и помощи людям. А герой рассказа «И прекрасное должно иметь пределы» более озабочен собственной педантичностью, нежели пациентом. Пока он неспешно и методично совершает все ритуалы благочестивого человека – чистит зубы, умывается, заправляет кровать, гладит и приводит в порядок одежду, умирает его пациент, так и не дождавшись помощи.

Фельдшер из рассказа «Сельские эскулапы» менее заботит их внешний вид, однако во время приема они заняты своими делами, пьют кофе и неохотно принимают пациентов: «Кузьма Егоров, в ожидании, пока запишутся больные, сидит в приемной и пьет цикорный кофе. Глеб Глебыч, не умывавшийся и не чесавшийся со дня своего рождения, лежит грудью и животом на столе, сердится и записывает больных» [Чехов, 2017, с. 114]. Они наугад записывают возраст пациента, полагая, что это не имеет значения, грубят, поскольку, видимо, считают, что богам сельской медицины позволительно обходиться со смертными по собственному разумению.

Врачи такого же типа встречаются и в произведениях Зоценко. В рассказе «История болезни» они не только кладут пациентов у открытых окон, моют в ваннах с умирающими старухами, угрожают, но и долго не выписывают, мотивируя это тем, что больных слишком много: «У нас такое переполнение, что мы прямо не успеваем больных выписывать. Вдобавок у вас только восемь дней перебор, и то вы поднимаете тарарам. А у нас тут некоторые выздоровевшие по три недели не выписываются, и то они терпят» [Зоценко, 2017, с. 753]. В действительности же врачам все равно, выписываются больные или нет, умирают или нет, они могут спокойно отправить жене еще живого пациента записку с просьбой забрать тело мужа («Знаешь, Петя, неделю назад мы думали, что ты отправился в загробный мир, поскольку из больницы пришло извещение, в котором говорится: «По получении сего срочно явиться за телом вашего мужа» [Зоценко, 2017, с. 754]), они забывают инструменты и бытовые предметы в телах оперируемых пациентов («Один, видите ли, операцию погаными руками произвел, другой – с носа очки обронил в кишки и найти не может, третий – ланцет потерял во внутренних органах, или же не то отрезал, чего сле-

дует, какой-нибудь неопытной дамочке» [Зощенко, 2017, с. 329]), оценивают тяжелое состояние больного как не заслуживающую внимания мелочь: «Ну, заболел. Слег. Подумаешь, беда какая» [Зощенко, 2017, с. 329].

Душевная атрофия врачей достигает апогея в произведениях Лу Синя и Варлама Шаламова. Если Чехов и Зощенко в основном иронизируют над человеческой глупостью и грубостью, то для Шаламова и Лу Синя равнодушие становится индикатором социально-политических потрясений, социально-экономического расслоения и адаптации человека к тяжелым жизненным обстоятельствам.

В рассказе Лу Синя «Братья» звучит мысль о противостоянии европейской и традиционной китайской медицины. Чтобы помочь безнадежно больному брату, Чжан Пэй-цзюнь обращается к разным докторам. Первый из них, приверженец традиционной медицины, лишь бегло осматривает больного: «*Бай Вэнь-шань прощупал у больного пульс, мельком взглянул на его лицо, приподнял рубашку и осмотрел грудь, после чего в благодушном настроении стал прощаться*» [Лу Синь, 1971, с. 289]. Врач называет диагноз не сразу, а только после того, как его спросили, он путается в болезнях, считая, что скарлатина и краснуха – это одно и то же; пренебрежительно разговаривает с братом больного, считая, что тот сам должен знать очевидные вещи; а в качестве лекарства рекомендует составить семейный гороскоп. Второй врач – Путис – образованный и самый дорогой в городе, сторонник европейской медицины. Несмотря на высокий уровень образования, он столь же безразличен к больному, как и предыдущий врач: ставит диагноз на латыни, не заботясь о том, поймут ли его; разговаривает как бы сам с собой, демонстрируя свой ум и профессионализм. При этом врач абсолютно лишен культуры и такта: «Писал он стоя, поставив одну ногу на стул» [Лу Синь, 1971, с. 291]. Диагноз «корь» врач ставит, основываясь на внешних проявлениях заболевания, которые схожи с краснухой и скарлатиной, и только на следующий день просит принести мочу на анализ, уже назначив лечение. Повторно принять больного врач отказался, удивленно спросив: «Зачем?» [Лу Синь, 1971, с. 291], и, уходя, «небрежно суну<л> в карман пятиюаневую ассигнацию» [Лу Синь, 1971, с. 291]. Путиса больше интересуют деньги, нежели сам пациент и его жизнь. Финал рассказа остается открытым: не говорится напрямую о дальнейшей судьбе больного, однако символиче-

ские детали, такие как вороны, видения, сны, позволяют предположить, что брат Чжан Пэй-цзюня все-таки умирает.

Похожую ситуацию мы видим в рассказе Лу Синя «Завтра», где врачи более озабочены состоянием своих длинных ногтей, чем помощью заболевшему ребенку и его матери. Врач выписал рецепт таблеток от засорения желудка, женщина сразу же отправилась в аптеку, где встретила с таким же равнодушным приказчиком: «Молодая мать с ребенком на руках стоя ждала, пока приказчик, тоже любовавшийся своими длинными ногтями, долго, не торопясь, читал рецепт, долго, не торопясь, заворачивал лекарство» [Лу Синь, 1971, с. 95]. Пока он разглядывал ногти, вдова потеряла драгоценное время и младенец умер.

В своих рассказах Лу Синь дискредитирует понятие платной европейской медицины, показывая, что она столь же неэффективна, как и знахарство, гороскопы, молитвы и прочие ритуалы. Вся медицина в произведениях Лу Синя – это шарлатанство, потому что она лишена самого главного – заботы о пациенте и желания ему помочь. Никого, кроме родственников, не заботит, выживет пациент или умрет, богатые врачи стремятся еще больше обогатиться, народные просто невежественны и потому не имеют права на врачебную практику.

«Врачей без души» часто изображает в своих рассказах и Варлам Шаламов. Вот как реагируют врачи на высокую смертность на Дальнем Севере: «*Смертность велика. Ну что ж! Нужен специалист. А специалиста нет. Значит, придется оставить доктора Ямпольского на своем месте*» [Шаламов, 1990, с. 274]. Деятельность же самого доктора Ямпольского описывается так: «*И, не умея понять человека, не желая ему верить, Ямпольский брал на себя большую ответственность посылать в колымские лагерные печи <...> доходивших людей, которые в этих печах умирали*» [Шаламов, 1990, с. 274]. Подобное поведение Ямпольского было защитным механизмом, позволяющим сохранить собственный рассудок и собственную жизнь. Бывший лагерный врач, сделавший успешную карьеру без надлежащего образования, панически боялся вернуться на общие работы. За годы, проведенные на Колыме, чувства его атрофировались, и жалость к людям, очевидно, навсегда его покинула. Ямпольского, как и докторов из рассказов Лу Синя, больше заботил внешний вид: «...в белоснежной рубашке, в отглаженном халате, в сером вольном костюме, который врачу подарили блатари...»

[Шаламов, 1990, с. 274]. Вероятно, потому, что люди были обречены на смерть, лечением их никто не занимался, а медицинские карты вели формально: «На всех этих больных заполнялись истории болезни, записывались какие-то назначения, которые никем не исполнялись» [Шаламов, 1990, с. 275].

Врач из рассказа «В приемном покое» равнодушно разоблачал блатных, которые прятали под бинтами и гипсом холодное оружие для «сучьей войны»: «Фельдшер, не глядя, прислушивался к привычным звукам кусков железа, падающих на каменный пол. Под каждой гипсовой повязкой было оружие. Заложено и загипсовано» [Шаламов, 1989, с. 266]. А в «Шоковой терапии» Петр Иванович со спокойной душой отправляет на смерть доходяг, потому что таким образом подтверждает собственный профессионализм.

Таким образом, очевидно, что эмоциональная депривация врачей-шарлатанов Зоценко и раннего Чехова обусловлена тотальной редукцией их эмоционально-чувственной сферы в целом. В мире Зоценко и Чехова, где человек способен лишь на примитивные, поверхностные эмоции, отсутствие переживаний у врачей не индивидуальный маркер их профессиональной деформации, а общее свойство всех «примитивных личностей» – героев, для которых сочувствие – эмоция, недоступная для их психологического уровня, ориентированного лишь на удовлетворение бытовых и физиологических потребностей. У врачей-шарлатанов Лу Синя блокада сострадания обусловлена еще и социально-экономическими факторами: это лишняя эмоция, несовместимая с меркантильными интенциями, а для врача, принадлежащего к высшей касте, сострадать низшему означает профанировать свой сакральный статус. Наконец, поэтика врачебного равнодушия в медицинских рассказах Шаламова имеет амбивалентную природу: для одних врачей эмоциональная глухота – это своего рода защитный механизм, единственный способ выживания в невыносимой реальности, для других же блокирование сострадания есть необходимое условие эстетического переживания собственных варварских действий как творческого акта, позволяющего осознать свою избранность и принадлежность к элитной касте «людей в белых халатах».

Заключение

Воссоздавая различные формы бытования таких культурных героев, как «шарлатаны от медицины», А. Чехов, М. Зоценко, В. Шаламов и Лу Синь предлагают читательскому вниманию раз-

нообразные сценарии: они издеваются над лекарями-шарлатанами и ужасаются их изощренному палачеству, они иронически высмеивают легковверных больных – и искренне сочувствуют их страданиям, они рисуют жизненные юмористические сценки на тему горе-врачей и горе-пациентов – и воссоздают драматические коллизии противостояния обреченных больных-жертв и лжеврачей, которые относятся к пациентам как к простым смертным, недостойным внимания врачебного пантеона, облаченного в «белые одежды». Но общим местом в медицинском дискурсе всех писателей являются мучительные поиски стратегии борьбы с губительным шарлатанством и обретение единственно возможного способа этой борьбы в собственном творчестве – универсальной силе противостояния мировому злу. А. Чехов отходит от комической плакатности «медицинских сценок» и начинает задумываться о духовном мире настоящего врача в «Палате № 6» и «Ионыче». М. Зоценко, уставший от «недоверия к медицине», берет на себя роль собственного целителя, мучительно пытаясь разобраться с первопричинами и невротической подоплекой собственных фобий и комплексов в автопсихоаналитической повести «Перед восходом солнца». В. Шаламов высекает медицинские кошмары «Колымских рассказов» на каменных страницах своей измученной памяти, словно нанося на надгробный монумент печальный мартиролог времен «Великой скорби». Лу Синь изменяет «жене-медицине» в пользу литературного творчества, становясь «летописцем происходящего в стране, тех духовных процессов и умонастроений, которые витали в воздухе и делали неизбежным наступление новой жизни» [Ручина, 2015, с. 165], и приходя к мысли, что только творчество способно дать человеку и миру шанс на духовное возрождение: «...[п]ервой необходимостью [следует] считать тогда духовное возрождение и лучшим средством для него – литературу» [Лу Синь, 1971, с. 67].

Библиографический список

1. Александров Л. Г. Новые приемы обличения шарлатанства в литературе северного возрождения: «Корабль дураков» С. Бранта // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 13. С. 11-18.
2. Головизнин М. В. Медицина в жизни и творчестве Варлама Шаламова // Закон сопротивления распаду. Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века : сборник научных трудов / сост.: Лукаш Бабка, Сергей Соловьев, Валерий Есипов, Ян Махонин. Прага ; Москва : Нацио-

нальная библиотека Чешской Республики (Národní knihovna České republiky) – Славянская библиотека, 2017. С. 199-225.

3. Жидкова Ю. Б. Функционирование медицинской терминологии в рассказах А. П. Чехова // Вестник ВГУ. 2007. № 2. С. 84-89.

4. Жолковский А. К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1999. 392 с.

5. Зощенко М. М. Нервные люди : собрание сочинений : в семи томах. Т. 2. Москва : Время, 2008. 754 с.

6. Зощенко М. М. Малое собрание сочинений : сборник рассказов. Санкт-Петербург : Азбука, 2017. 896 с.

7. Ковбасюк С. А. Шарлатанство в нидерландском искусстве конца XV – первой половины XVI века: античные реминисценции в ренессансной иконографии обмана // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сборник научных статей. Санкт-Петербург : НП-Принт, 2015. С. 475-483.

8. Лу Синь. Повести и рассказы : сборник рассказов / вступительная статья Л. Эйдлин, составитель Н. Федоренко ; перевод А. Гагова. Москва : Художественная литература, 1971. 496 с.

9. Николаева А. А. Типология шарлатанов в русскоязычных произведениях г. Квитки-Основьяненко (на фоне литературной традиции) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2014. С. 206-211.

10. Петров В. В. Лу Синь: Очерк жизни и творчества. Москва : Гослитиздат, 1960. 383 с.

11. Позднеева Л. Д. История китайской литературы: собрание трудов / сост. Л. Е. Померанцева. Москва : Восточная литература, 2011. 302 с.

12. Ручина А. В. Гуманистические проблемы в рассказах Лу Синя // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых / под ред. С. А. Песоцкой ; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Томск : Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2015. С. 165-167.

13. Чехов А. П. Полное собрание повестей, рассказов и юморесок : в двух томах. Т. 1. Москва : АЛЬФА КНИГА, 2017. 1279 с.

14. Шаламов В. Т. Колымские рассказы : сборник рассказов ; вступительная статья Е. Шкловского. Москва : Детская литература, 2010. 345 с.

15. Шаламов В. Т. Левый берег : сборник рассказов / подготовка текста И. Сиротинской. Москва : Современник, 1989. 588 с.

16. Шаламов В. Т. Перчатка, или КР-2 : сборник рассказов. Москва : Орбита, 1990. 326 с.

17. Шаламов, В. Т. Избранное : в двух томах. Т. 2 : сборник рассказов. Москва : Т8 Rugram, 2017. 750 с.

18. Шевченко Л. И. Античная рецепция и медицина в творчестве А. П. Чехова // Язык медицины :

материалы всероссийской научно-методической конференции «Методические и лингвистические аспекты международной медицинской терминологии». Самара : Порто-Принт, 2013. Вып. 4. С. 196-201.

19. Ши Ж. Тема медицины в творчестве А. П. Чехова и Лу Синя // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 4. С. 191-201.

20. 冯雪峰.鲁迅和俄罗斯文学的关系及鲁迅创作的独立特色[M].湖南:湖南人民出版社, 1980.

21. 葛馨.第六病室与《狂人日记》艺术形象比较分析[J].黑龙江教师发展学院学报, 2002(11).

22. 戈宝权.契诃夫和中国[J].文学评论, 1960(1).

23. 姜丽娟.文坛“孪生”作家鲁迅与契诃夫[J].黑龙江社会科学, 2005(1).

24. 李家宝,黄忠顺.“医学作品”特质的“神怪小说”——论契诃夫汉化历程的起点[J].外国文学研究, 2016(6).

25. 力小鲲.鲁迅、契诃夫小说反映的民族心理及其改造观的比较[J].赣南师范学院学报, 1988(3).

26. 刘建中.从学医到从文——鲁迅、契诃夫比较谈[J].西北大学学报, 1987(4).

27. 马玉兰.谈鲁迅、契诃夫对“民族劣根性”的揭示[J].中华活页文选, 2011(5).

28. 娜塔莉.鲁迅与契诃夫散文情节特点[J].历史与文化, 2008(4).

29. 王丹.从契诃夫与鲁迅的小人物谈起[J].外国文学, 1996(6).

30. 王国祥.鲁迅与契诃夫[J].云南社会科学, 1991(5).

31. 王和福.契诃夫与鲁迅:在医生和作家之间[J].浙江工业大学学报, 2013(3).

32. 王兆年.时代、人民、追求——鲁迅和契诃夫的时代、生活和创作道路的比较[J].河北大学学报, 1985(2).

33. 杨毓敏.契诃夫与鲁迅短篇小说讽刺艺术之比较[J].襄樊学院学报, 2003(3).

Reference list

1. Aleksandrov L. G. Novye priemy oblichenija sharlatanstva v literature severnogo vrozozhdenija: «Korabl' durakov» S. Branta = New techniques for denouncing charlatanism in Northern Revival literature: S. Brant's «The Ship of Fools» // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 13. S. 11-18.

2. Goloviznin M. V. Medicina v zhizni i tvorcestve Varlama Shalamova = Medicine in the life and work of Varlam Shalamov // Zakon soprotivlenija raspadu. Osobnosti prozy i poezii Varlama Shalamova i ih vospriyatie v nachale XXI veka : sbornik nauchnyh trudov / sost. : Lukash Babka, Sergej Solov'ev, Valerij Esipov, Jan Mahonin. Praga ; Moskva : Nacional'naja biblioteka Cheshskoj Respubliki (Národní knihovna České republiky) – Slavjanskaja biblioteka, 2017. S. 199-225.

3. Zhidkova Ju. B. Funkcionirovanie medicinskoj terminologii v rasskazah A. P. Chehova = Functioning of

medical terminology in the stories of A. P. Chekhov // Vestnik VGU. 2007. № 2. S. 84-89.

4. Zholkovskij A. K. Mihail Zoshhenko: pojetika ne-doverija = Mikhail Zoshchenko: poetics of distrust. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1999. 392 s.

5. Zoshhenko M. M. Nervnye ljudi = Nervous people sobranie sochinenij : v 7 tomah. T. 2. Moskva : Vremja, 2008. 754 s.

6. Zoshhenko M. M. Maloe sobranie sochinenij = Short collected works : sbornik rasskazov. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2017. 896 s.

7. Kovbasjuk S. A. Sharlatanstvo v niderlandskom iskusstve konca XV – pervoj poloviny XVI veka: antichnye reminiscencii v renessansnoj ikonografii obmana = Charlatanism in Dutch art of the late XV – first half of the XVI century: ancient reminiscences in Renaissance iconography of deception // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva : sbornik nauchnyh statej. Sankt-Peterburg : NP-Print, 2015. S. 475-483.

8. Lu Sin'. Povesti i rasskazy = Short novels and stories : sbornik rasskazov / vstupil'naja stat'ja L. Jejdlin, sostavitel' N. Fedorenko ; perevod A. Gatova. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1971. 496 s.

9. Nikolaeva A. A. Tipologija sharlatanov v russkojazychnyh proizvedenijah g. Kvitki-Osnov'janenko (na fone literaturnoj tradicii) = Typology of charlatans in Russian-language works of Kvitka-Osnoviyanenko (against the background of literary tradition) // Mnogojazychie v obrazovatel'nom prostranstve. 2014. S. 206-211.

10. Petrov V. V. Lu Sin': Oчерk zhizni i tvorcestva = Lu Xin: Essay on life and creativity. Moskva : Goslitizdat, 1960. 383 s.

11. Pozdneeva L. D. Istorija kitajskoj literatury = History of Chinese literature : sobranie trudov / sost. L. E. Pomeranceva. Moskva : Vostochnaja literatura, 2011. 302 s.

12. Ruchina A. V. Gumanisticheskie problemy v rasskazah Lu Sin'ja = Humanistic problems in the stories of Lou Xin // Kommunikativnye aspekty jazyka i kul'tury : sbornik materialov XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i molodyh uchenyh / pod red. S. A. Pesockoj ; Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij politehnicheskij universitet. Tomsk : Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij politehnicheskij universitet, 2015. S. 165-167.

13. Chehov A. P. Polnoe sobranie povestej, rasskazov i jumoresok = Full collection of short novels, short stories and humoresques : v dvuh tomah. T. 1. Moskva : AL'FA KNIGA, 2017. 1279 s.

14. Shalamov V. T. Kolymskie rasskazy = Kolyma stories : sbornik rasskazov ; vstupil'naja stat'ja E. Shklovskogo. Moskva : Detskaja literatura, 2010. 345 s.

15. Shalamov V. T. Levij bereg = Left bank : sbornik rasskazov / podgotovka teksta I. Sirotinskoj. Moskva : Sovremennik, 1989. 588 s.

16. Shalamov V. T. Perchatka, ili KR-2 = Glove, or KR-2 : sbornik rasskazov. Moskva : Orbita, 1990. 326 s.

17. Shalamov, V. T. Izbrannoe = Chosen : v dvuh tomah. T. 2 : sbornik rasskazov. Moskva : T8 Rugram, 2017. 750 s.

18. Shevchenko L. I. Antichnaja recepcija i medicina v tvorcestve A. P. Chehova = Antique reception and medicine in the work of A. P. Chekhov // Jazyk mediciny : materialy vsrossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii «Metodicheskie i lingvisticheskie aspekty mezhdunarodnoj medicinskoj terminologii». Samara : Porto-Print, 2013. Vyp. 4. S. 196-201.

19. Shi Zh. Tema mediciny v tvorcestv A. P. Chehova i Lu Sin'ja = The topic of medicine in the works of A. P. Chekhov and Lou Xin // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2015. № 4. S. 191-201.

20. 冯雪峰.
鲁迅和俄罗斯文学的关系及鲁迅创作的独立特色[M]. 湖南:湖南人民出版社, 1980.

21. 葛馨.
第六病室与《狂人日记》艺术形象比较分析[J]. 黑龙江教师发展学院学报, 2002(11).

22. 戈宝权. 契诃夫和中国[J]. 文学评论, 1960(1).

23. 姜丽娟. 文坛“孪生”作家鲁迅与契诃夫[J]. 黑龙江社会科学, 2005(1).

24. 李家宝,黄忠顺.
“医学作品”特质的“神怪小说”——论契诃夫汉化历程的起点[J]. 外国文学研究, 2016(6).

25. 力小鲲.
鲁迅、契诃夫小说反映的民族心理及其改造观的比较[J]. 赣南师范学院学报, 1988(3).

26. 刘建中. 从学医到从文——鲁迅、契诃夫比较谈[J]. 西北大学学报, 1987(4).

27. 马玉兰.
谈鲁迅、契诃夫对“民族劣根性”的揭示[J]. 中华活页文选, 2011(5).

28. 娜塔莉. 鲁迅与契诃夫散文情节特点[J]. 历史与文化, 2008(4).

29. 王丹. 从契诃夫与鲁迅的小人物谈起[J]. 外国文学, 1996(6).

30. 王国祥. 鲁迅与契诃夫[J]. 云南社会科学, 1991(5).

31. 王和福. 契诃夫与鲁迅:在医生和作家之间[J]. 浙江工业大学学报, 2013(3).

32. 王兆年. 时代、人民、追求——鲁迅和契诃夫的时代、生活和创作道路的比较分[J]. 河北大学学报, 1985(2).

33. 杨毓敏.
契诃夫与鲁迅短篇小说讽刺艺术之比较[J]. 襄樊学院学报, 2003(3).